

***
Я высказаться тороплюсь —
Отринув истину от бредней,
Спеша, Спасителю молюсь —
А ну как этот день последний?

А ну как если не успеть
Связать распавшиеся строфы,
Недолюбить, недотерпеть
В канун вселенской катастрофы.

Но что с того — наверняка
Услышано не будет Слово.
Молчит осенняя река,
Назавтра мертвой стать готова.

Умолкли птицы голоса,
И тишина гнетущей стала,
Молчат глухие небеса,
С утра нахмурившись устало.

Молчат деревья, камыши,
Молчит село. Молчит дорога.
Но зреют в глубине души
Слова, которые от Бога.

О НЕБЕ ДУМАЕТ ДУША
Погаснут светила в полуночный час,
В преддверье крушения эпохи —
Они пожалеют, что тронули нас,
Что песню прервали на вздохе.

Струится забвения лунная пыль,
Опустится сумрак бездонный,
Огнем погребальным
взмечтется ковыль
Над Родины снежной и сонной.

Судивший нас —
с нами во мрак снизойдет,
Кровавой напившись свободой.
Сомкнётся над нами бессмертная лед,
Застынут мятежные своды.

Но снова заплещется веры вода
В глазницах пустых океана.
Истлеют, рассыплются в прах невода,
Развеются клочья тумана.

И в страхе изыдет полуденный бес,
И спустится Ангел с высоких небес.

***
Молюсь исправно Богу.
Но,
не вяжутся слова молитвы.
Душа — как будто поле битвы,
В ней все опнем опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы — читай, внимая,
Но вещих слов не понимая,
Бросаю книгу горяча.

Но слышу — я еще не глух, —
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать

***
Вострубят ангелы — пора.
И никуда уже не деться.
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовёт — как в детстве.

Как будто ветер прокричал
Перед последнею разлукой,
Но в прошлом всё — вокзал, причал
И счастье вперемешку с мукой.

И полетит душа, легка,
Туда, где обитают души,
За грозовые облака,
Вослед за лайнером воздушным.

Растает боль, исчезнет страх
И груз земного притяженья,
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье.

И на секунду оглянись —
Быть может,

это всё приснилось:
И это небо, эта высь,
Как бы нечаянная милость.

Дмитрий мизгулин О небе думает душа

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.

В ХРАМЕ ФЁДОРА СТРАТИЛАТА
Все спешим и спешим куда-то.
Судим яростно, горяча.
В храме Федора Стратилата
Одиноко горит свеча.

О, какой же был путь неблизкий
Вечной памяти и молвы!
От холмов Гераклеи Понтийской
И до снежных равнин Москвы...

Тусклый сумрак, развесясь, тает.
Потемневший мерцает лик,
И бесстрастно на нас взирает
Непреклонный седой стратиг.

Я почти что не различаю
Эту древнеславянскую вязь,
Незаметно, по дням убываю,
С Древним миром теряю связь.

Что нам время и что законы?
Если все мирозданье — миг.
Но мерцает с тусклой иконы
Просветленный, священный лик.

Снег летит не спеша и плавно,
Тихо падает он, кружась.
И теперь ощущаю явно
В этом хаосе некую связь —

Как ни рвись, торжествуя и мучась,
В мир — от паперти до луны —
Эти судьбы и наша участь
Так причудливо сплетены...

А на улицах близлежащих
Тишина. И в окнах видны
Излученья огней дрожащих
И замерзшие блики луны,

Снег скрипит, и морозный воздух
Чуть дымится у фонаря.
Нежно в небе мерцают звезды,
Ярко в окнах огни горят.

Все на свете — смешно и тленно.
Только все же зябнет душа.
Переулком Кривоколенным
Поворачивает не спеша.

***
В урочный час, намеченный судьбой,
Созвездия снежинками кружили...
Зачем, скажи, мы встретились с тобой?
Но всё же хорошо, что вместе были.

Мир погрузился в сумрачную мглу,
Но две звезды погасили шептальсы.
Из-за чего расстались —
не пойму.

Но всё же хорошо,
что мы расстались...

Сомнениями душу не тревожь.
Остынувшее сердце не обманешь.
А если в жизни что-то и поймёшь,
То всё равно счастливее не станешь.

Приемли всё,
что ниспослал Господь.
И что бы в этой жизни ни случилось —
И ясный день прими,
и непогоду
И жизнь, как бы нечаянную милость.

РОЖДЕСТВО
В церкви тихо. За окнами синими
Хлопья снега, неспешно летящего,
В серебристо-березовом инее
Очертания города спящего.

Снегири, как шары новогодние,
Украшают столетние ели,
И сомненья тревожат — сегодня ли
Вдруг отступятся злые метели.

И рассеется вьюга вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжется звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

***
Морозы грянули. Крещение.
Озябли птицы и слова.
У Господа прошу прощенья
Под сводом храма Рождества.

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцаая, тускло тают свечи,
Как непрощенная вина.

Как тяжек груз грехов незримый,
В запасе — годы или дни?
Расплата ждёт неумолимо —
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идет...
Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдет...

***
Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетемся в туманах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах.

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь все, что в душе накипело,
За тучами, над высотой.
Светились окна словно соты
С начинкой нежно-золотой.

В меду таинственном тонули
Заботы и печали дня.
Но небеса стояли в гуле
И острых высверках огня.

ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ
Над камнями вечной Иудеи
Солнечный блистает небосклон...
Шёл Иосиф из Аримафеи
К Понтию Пилату на поклон.

Он на лавке сидя ждал ответа,
Суть его прощения проста —
Попросил смиренно член Совета
Тело убиенного Христа...

Обернули тело плащаницей,
Схоронили в каменном гробу...
Мало что в Завете говорится
Про его, Иосифа, судьбу.

Не застыл он в ожиданье суда,
Не дождался страшного суда,
Появился вроде ниоткуда
И ушёл как будто в никуда.

Жаждут быть святыми лиходеи,
Ждут Иуды царского венца,
А Иосиф из Аримафеи
Выполнил работу до Конца...

Так и ты, не жалуясь, не мучась,
Заверши труды свои сполна.
Не переживай, такая участь
Нам с тобой Спасителем дана.

Помни, как по вечной Иудее,
Смертного тоскою опален,
Шёл Иосиф из Аримафеи
К Понтию Пилату на поклон.

***
В захолустный городок
зывают буквы "Welcome!".
Но не гневом, а огнём вспыхивает голова,
И катается во рту ледяная карамелька,
Остужая на лету раскалённые слова.

Что-то вышло не к добру
на чужом пиру веселье.
Вроде чарку поднесли —
да плеснули мимо рта.
Дни пронзительно скрипят,
как на ржавой карусели,
И потерянно молчит вся родная красота.

Вот споткнулись же глаза
о чужие эти буквы!
Кто кого сюда зовёт — на охоту, на пикник?
Дальше будет пост ГАИ,
небеса в стеклянной будке,
Но теперь, похоже, нам
в самом деле не до них.

Это нынче месяц май,
а нахлынут непогоды,
Кем кому придется стать,
душу надвое деля —

Перевозчиком теней
через призрачные воды?
Провожатым сквозь метель
до ближайшего жилья?

***
Всю ночь гудели самолёты
За тучами, над высотой.
Светились окна словно соты
С начинкой нежно-золотой.

В меду таинственном тонули
Заботы и печали дня.
Но небеса стояли в гуле
И острых высверках огня.

Тянуло дымом от окраин —
Горел весенний сухостой.
Вся ночь была печальным раем
С начинкой нежно-золотой.

И в этой ласковой печали
Казался гул ещё острее...
И долго свет не выключали
Во тьме грядущих новостей.

***
Роскошь тишины, спора нищета ли...
Что ни затевай, нету с нами слада.
Боже, приют в небе наши тайны —
Смутные слова, всплунутые взгляды.

Раз уж наделил радостью-бедою,
Если подарил всё, о чём молила, —
Пусть они живут
под Твоей ладонью
В маленьком саду, в бузине-малине.

Пусть они поют, праздно-невесомы,
В радости своей обречённо-вешней:
Выйдешь утром в сад,
хмурый, полусонный,
А они в листве крылышками плещут...

Им не уцелеть в городской опале:
Сколь ни береги — были да пропали.
Пусть живут с Тобою там, куда манили —
В маленьком саду, в бузине-малине.

***
Такие были сильные снега —
До сей поры стоит вода в долинах.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Всю ночь гудели самолёты...

И небо, размывая берега,
Волнуется в высотах соколиных.

И как шампанским праздничный бокал
Исполнен мир весенней лёгкой дрожью —
И так легко, взмывая к облакам,
Одолевать сырое бездорожье,

Ведя по краю лезвие крыла,
Кроить неспешно плотно земное,
Пока ещё на сердце не легла
Истома ослепительного зноя.

***
Попивая лихой коньячок из горла:
— А ты знаешь, какой она прежде была!
Как любил-горевал, миловал-погибал,
Как бесечно ночную черёмуху рвал!..

Что мне делать, Господь,
с этим горем чужим?
Он поэт, он умрёт через год с небольшим
От сердечного приступа
в доме пустом —
И теперь только я буду помнить о том,
Как любил-погибал,
как черёмуху рвал,
Коньяком суррогатным тоску заливал...

Всё по силам, Господь, ибо Ты милосерд.
Мне сказали: полицию вызвал сосед.
Дверь взломали под вечер.
В раскрытом окне
Полыхала метель и металась в огне.
Он ничком бездыханно лежал у стола...

Я не знаю, какой она прежде была,
Как пылала и пела, сводила с ума
Вся в огнях и черёмухе майская тьма,
Как любила, лгала и была неверна —

Но черёмуха шествует мимо окна,
Торжествуя, пылая, маня и казня,
И на ветках её не увидит огня.

***
То рыдает, то хохочет —
живу душу береги! —
Оторвался колокольчик
от малиновой дуги.
Разошёлся майской птицей —
да забило снегом рот:
Оторвался, покатился
на обочину в сугроб.

Налетела мелким бесом
понизовая пурга,
Месяц выставил над лесом
розоватые рога,
Навалился душной ночью
на дорогу-колею,
Разбудил обиду волчьую
на глухую жизнь свою...

Мчались молча —
и домчали до ближайшего огня.
Горше не было печали
в этой жизни у меня:

Колокольчик, друг сердечный,
серебристо-заливной,
Звон ли твой, уже нездешний,
день и ночь летит за мной,
Оглушает эхом дальним,
до земли клоня ковыль —
То дорожным, то кандалным,
то набатом вековым...

***
Никуда не денешься: просто — да хитро...
Обронила денежку около метро.
Даже не заметила, что там за пятак.
Ладно, в Шереметьево доберусь и так.

Ах, душа-провинция, сердце-регион!
У меня провинностей ровно миллион
И стремленные слабое сильным угодить —
Мне столичной славою не за что платить.

Сытый снежной кашею, пригород обмяк.
Да у нас по-вашему не прожить никак!
Всё бы вам оставила, что у вас в цене —
Ведь у нас-то набело, что у вас вчерне.

А живёшь-надеешься
только на добро.
Обронила денежку около метро —
Ладно, в Шереметьево
добралась и так.
Даже не заметила, что там за пятак...

***
Одуванчики, лопухи,
Море солнечной шелухи
На краю городского сада...
Так и носишь с собою впрок
До грядущего снегопада
Золотистый сухой клубок.

Мать-и-мачеха, череда,
Незабудки для никогда...
По горячей асфальтной кромке
Подорожник, утрюмый страж:
У него разговор короткий —
Что потребует, то отдашь.

Сколько в камень ни забирай —
На земле прорастает рай,
Возвращается пядь за пядью:
Повилика да зверобой...
Сядет бабочка на запястье —
Уведёт тебя за собой

Под акацию да сирень,
Где посвистывает свирель,
Сердце робкое подзывает,
Крошки солнечной подложив...
Так улавливает живая
Жизнь, угадывая, кто жив.

***
Степь отдыхала от жары.
Она, закрыв глаза на вдохе,
Глядела в странные миры,
во тьмы ушедшие эпохи.
За поворотами реки,
блестящими полукругами,
Дрожали словно поплавки
едва приметные курганы.

Тень проносили облака,
и чудилось: под облаками
Большие рыбины-века
во сне колышут плавниками
И тьма спускается к воде —
но этой жажде не напиться.
И в каждой капле — по звезде,
и в каждом водоёме — по птице...

Не оттого ли тяжелы часы
стенного предвечерья?
В тугие связаны узлы
тысячелетние кочевья,
И в каждом птица и звезда
из родника или колодца —
Но позабыты невода,
и ячяя сухая рвётся,
И с колчанами белых стрел
выходят ветры брат на брата...

У горизонта хлеб горел,
и дым стоял над ним горбато —
Стоял клонясь над полем битв,
где боль ещё не доболела,
И там, где сердцу должно быть,
безмолвно солнце багровело.

***
Взглядом ловишь — а очи неймут:
Не собрать этой радостной дани
Лёгким щебетом праздных минут,
Чередой оправданий.

В мягком шелесте майской листвы —
Золотисто искрящем приборе
Так светло — не поднять головы
В ослепительно голубое...

Но прихлынет холодная тишь
Из глубин этой праздничной сени —
И с пустыми руками стоишь
В гуще ярмарки у карусели,

Где на каждой лошадке — плюмаж,
Стремленные золочены кольца,
Где бравадно заявленный марш
Всё не может никак успокоиться.

***
Не видит каторжник вершин,
Не видит неба раб усталый.
Простое кажется большим,
А сложное порою — малым.

Не так! Не так устроен мир!
Все искажает страх и пошлость.
Вглядись! И скорчится кумир.
И станет будущее прошлым.

И явь послушно станет сном,
И сон окажется вдруг явью,
Так, вмиг в монастыре лесном
Откроешь силу православья.

Приблизись — и человек
Огромным станет, как планета!
С разливом незнакомых рек,
С равнинами под лунным светом.

И, встав на новой нам земле,
Узнав ее простор бесценный,
Откроем, как на корабле,
Созвездия иной Вселенной!

***
Окутаны тайной
Гранитные стелы.
Навстречу скитаньям
Плывут каравеллы.

И манит свобода
Дождями и громом
И вспышкой восхода
В краю незнакомом.

Свобода — одежда,
Но что она значит
Без тайной надежды,
Без гулкой удачи?

Какое же горе,
Какая потеря
Быть вольным, не споря,
Не плача, не веря!

А в горных провалах,
А в складках гранита
В заснеженных скалах
Петроглифы скрыты.

***
Небеса неумолимы,
Невесомы, нелюдимы

И легки, непостижимы.
Мимо нас проходят мимы

Под немymi небесами,
Мимо мы проходим сами,
Вдохновляясь чудесами
И цветными парусами.

***
Одни, благие ставя цели,
В других стреляют, словно в цель,
Но неужели параллели
Способны выиграть дуэль?

Поют сраженья менестрели,
Но в битве гордых смысла нет,
И кровью жаркой зря алеги
Поля разорванных планет...

***
Нам кажется, что мы играем,
И каждый роли яркой рад,
Но мы рабы в преддверье Рая,
Вернее — нисхожденья в Ад.

Слепой Фемидой Мельпомена
Не видит призрачных оков,
А наша маленькая сцена —
Арена смерти, бой быков.

***
Решает врач: отрезать сколько плоти?
Решает царь: казнить какую часть?
Решает вор, волнуясь: сколько красть?
Простых решений в мире не найдёте...

Ярослав КАУРОВ

Весь мир готовился и звал...

Но, поборовший собственные страсти,
Принесший в жертву

собственную плоть,
Всевидающий, всезнающий Господь
Не хочет сам отныне *высшей власти*...

***
В пустыне пламенной сирокко
Песчинки мне вонзал в глаза,
Я странствовал по воле рока,
Не смея главного сказать.

Я петь хотел, сухие губы
Невольно предали меня.
И смолкли ангельские трубы
В жестоком хаосе огня.

Но вот оазис я заметил,
Венчавший скалы в вышине.
Он зелен, влажен был и светел,
Но не подняться было мне.

Я приготовился бессилье
Уже назвать своей виной,
Но вдруг почувствовал, что крылья
Раскрылись за моей спиной.

Я воспарил! Я взмыл над бездной!
Увидел горные сады.
Таланта трапой беспелезной
Казались странника труды...

Когтистой лапой трехпалой
Уже схватил я виноград,
Но холодно от ливня стало,
Я погрузился в водопад...

В пучине темной с пузырьками
Померкло торжество светил,
И оттолкнувшись плавниками
К цветным кораллам я поплыл...

Так, совершая путь на запад,
Лелеешь маревو мечты,
Но мир меняется внезапно,
А с ним меняешься и ты...

***
На даче летом жизнь простая.
Я этому безумно рад.

Весь день пишу или читаю,
А вечерами — променад.

Стрижи меня сопровождают,
В реке шевелится налим,
И трясозука молодая
Кивает хвостиком своим...

О, Боже! Как это по-русски!
За чаем переждав жару,
С полужаковой трясозукой
Пройтись вот так по вечеру!

ГОРОДСКИЕ ВИДЕНЬЯ
Стоят стеклянных ульев башни,
Как острия пчелиных жал.
За шоколада теплой чашкой
В кафе мальчишка забежал.

Старик, древнее не найдёте,
Пил пиво как Мафусаил.
Мальчишка с чашкой сел напротив,
И вдруг старик заговорил:
«На самом деле — тут таверна,
Лесной разбойничий приют,
Где кормят дешёво и скверно,
И грог, и ром тягучий пьют».

И мальчик видит душегубов
(Колчаны полны острых стрел),
В чаду толкающихся грубо,
Уставших от кровавых дел.

«А там, — шептал старик, — на скалах,
Не банк, а ведьмины силки.
Она чуму наколдовала,
Бордель поставив у реки.

Лишь монастырь стоит на месте,
Но не сжигает ведьмы он,
И терпит всё уже лет двести
Под тяжестью иных времен».

Почтенный одинокий зритель
(За всем приглядывать мастак),
Вокруг напрасно не смотрите,
Всё выглядит совсем не так!

Наш правник, в кубики играя,
Взглянув поверх убогих крыш,

Манхеттен назовет «сараем»
И «диким пастбищем» — Париж.

***
В чёрном драповом пальто,
В старой кепке-восьмилкинке,
В свитере, как решето,
В грубых стоптанных ботинках,

Незнакомый человек
Перепрыгивает лужи.
Грязен ноздреватый снег,
И не отступает стужа.

Может, это бывший зек,
Может быть, безвестный гений,
Незнакомый человек
Полон внутренних сомнений.

Почему-то мне родной.
Он скитается без дома.
Может, это предок мой?
А быть может, и — потомок...

ДУНОВЕНИЕ ВРЕМЕНИ
В заснеженных

обветренных долинах,
Где слышен вой
голодных волчьих стай,
Стоят старинных замков исполины,
И лёд озёр сверкает как хрусталь.

Там одиноко дремлет у камина
Придворный шут и призрачный поэт,
На нём костом и маска Арлекина,
Но зрители уже столетья нет...

КОРОНОВАННАЯ СУЩНОСТЬ
Короновирная Чума.

Стенноно шествует по миру
Заходит в мертвые дома
И населенные квартиры,
Заходит в пышные дворцы
И в развращенные серали,
Где основатели-отцы
Её узреть не ожидали!

Чума преследует Тела,
Но главная добыча — Души!
Она кралась... Она ждала,
Когда всем миром мы осушим
Кровавый пенный кубок зла,
Коварства, подлости, обмана,
И вот удар свой нанесла
По старым и разверстыя ранам!

Весь мир готовился и звал:
«Приди, Чудовище пустыни!
Яви свой царственный оскал
И поселись у нас отныне!
Свободы крохи отними,
Покой, закон, определенность,
Возьми детей и нас самих,
Приди, Чума, в дома влюбленных!».

***
Сломался шут. Зияла рана
В груди разорванной его,
Как будто он упал с экрана,
Не видя больше ничего...

Нет, не пронзил его повеса,
И не казнил его закон,
В предложенную драму пьесы
Поверил слишком сильно он.

ПОЭТУ СОВРЕМЕННОСТИ
Иоэриу Чурдалёву

Он родился со словом: «Нет!».
И недолго на свете жил
В мире рушащихся планет,
В мире мечущихся светил!

Никому покоя не прошал,
Самого себя не простил!
Как закрученная прасса,
Как захвачта соль в горсти!